15. Листок войны. 1917. 7 ноября. Здесь указано на принятие Краевой Радой Конституции Кубани 6–7 октября 1917 г., где были ущемлены права пришлого населения.
16. Листок войны. 1917. 11 ноября.
17. Листок войны. 1917. 12 ноября.
18. *Ладоха Г.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923. С. 64.
19. Терский вестник. 1917. 27 октября.
20. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Сб. документов. Орджоникидзе, 1957. С. 17.
21. Терский вестник. 1917. 3 ноября.
22. Кавказский край. 1917. 21 ноября.
23. ЦХДНИКК. Ф. 2839, оп. 1, д. 1388, л. 81–83.
24. Листок войны. 1917. 23 ноября.
25. ГАКК. Ф. 411, оп. 2, д. 407.
26. Листок войны. 1917. 31 октября.
27. Горская жизнь. Терский вестник. 1917. 27 октября.
28. Горская жизнь. 1917. 28 октября.
29. Кавказский край. 1917. 27 октября; Пятигорское эхо. 1917. 28 октября.
30. Голос Минераловодского районного и Пятигорского Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 ноября.
31. Терская жизнь. 1917. 12 ноября.
32. Горская жизнь. 1917. 13, 20, 21 декабря.
33. Донские известия. 1918. 23 апреля.
34. Горская жизнь. 1918. 17 января.
35. *Сенцов А.А.* Октябрьская революция и Юго-Восточный Союз казачьих войск // Вестник Московского университета. 1973. № 1. С. 76–77.

УДК 351.858:316.75

Беспаленко П.Н., д. полит. н., проф.

Проблема формирования общенациональной идеологии

В статье рассмотрены вопросы формирования общенациональной идеологии, институционализации духовной безопасности в политическом пространстве современного российского общества.

Ключевые слова: общенациональная идеология, государственная идеология, социальный консенсус, самоидентификация, самобытность.

Духовное возрождение – это процесс, который может развертываться лишь снизу, из самого народа, а не насаждаться сверху властями. Другое дело, государство должно способствовать духовному возрождению, выделяя для него соответствующие материальные и денежные ресурсы, а также защищая общество от враждебных ему псевдодуховных течений, которые, прикрываясь высокопарными теориями, обрывками древних мистических знаний, владеют психологическими технологиями порабощения личности, преследуют цели либо материальной наживы, либо разложения общества и государства с далеко идущими замыслами его тотального разграбления, а часто того и другого вместе.

Опираясь на теоретическое наследие и учитывая новейшие тенденции развития социальной и экономической жизни России, ее новое место в международных отношениях сегодня вправе говорить об ином смысле идеологии XXI века. Главной причиной возобнов-

ления идеологических поисков является то, что мы продолжаем жить в альтернативном мире. Различия объективно присущи внутренним и внешним процессам. Преодоление противоречий возможно только на основе объединения, выработке целостного мировоззрения. Это мировоззрение должно быть консолидирующим разные взгляды и убеждения, оно должно концентрировать главное, сущностное в интересах и ценностных ориентациях. Таким консолидирующем началом может вполне быть безопасность, выраженная в форме идеологии безопасности.

Современное российское общество дает повод говорить об идеологическом дефиците и о необходимости создания идеологической системы, которая нацелит граждан на решение общих проблем. Задачу, впрочем, можно сузить до построения *государственной* идеологии, то есть системы идей и образов, которая позволит государственной власти осуществлять контроль надо всеми группами граждан без применения силы.

Для того чтобы России выстоять как самостоятельному государству и успешно развиваться – как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе, – необходимо выработать некий идеологический базис, упорядочить идеологическую среду, зафиксировать устойчивую систему ценностей. Кроме того, отсутствие идеологии создает огромные риски при реализации механизмов преемственности власти и курса развития страны, т.к. создает разброд и шатание в самой верхушке правящей политической элиты. Без принятия идеологии невозможно поставить правильные цели и определить адекватные задачи развития общества, выработать критерии развития и управления страной.

Достаточно вспомнить чубайсовскую идею создания либеральной империи. В любом случае они никак не заинтересованы в четком и ясном определении действительных целей перемен, их социального смысла, в оформлении и функционировании жизнеспособной объединяющей идеологии российского общества. Чтобы добиться успеха реформ, сформировать социальный консенсус, нужно изменить сам способ движения к прогрессу. Необходим, следовательно, стратегический прорыв к новой идеологии, опережающей события, ориентирующей и сплачивающей людей. Нужны конструктивные созидательные действия, способные изменить жизнь общества к лучшему [1].

Выработке идеологии мешают многие причины, среди которых можно выделить главные:

- непонимание или имеющее какие-то причины нежелание руководства страны установить высший приоритет своей работы именно в идеологической сфере;

- большое количество гуляющих в СМИ теорий и схем переустройства общества, многие из которых являются сознательно вброшенными нашими геополитическими противниками в ходе информационной войны, которую они продолжают вести с нами;

- неоднородный характер приближенных к высшим лицам государства экспертных групп, формирующих «научно обоснованные» противоречивые мнения для элиты.

Можно предположить также, что среди российской политической элиты и приближенных к ней экспертов и аналитиков существуют многочисленные лица и группы лиц, влияющие на принятие тех или иных значимых решений, которые сознательно затягивают ситуацию с самоопределением России как государства и с выработкой государственной идеологии. Возможно, не просто затягивают, но и препятствуют по различным причинам.

Ведь в объединяющем начале идеологии таится и большая опасность для государства. Любой идеологии внутренне присуще стремление во все проникнуть и везде навести порядок. По мнению ряда ученых, сама постановка вопроса о формировании новой идеологии – это реликт тоталитарного режима, попытка взять курс на идеологическое манипулирование общественным сознанием россиян.

Часть авторов рациональное решение проблемы видят в поощрении идеологического плюрализма, создании условий для сосуществования и диалога разных концепций и взглядов [2,3,4,5]. «В реальной жизни люди по-разному думают о том, в чем состоит общественное благо, что является главной ценностью жизни. Одни превыше всего ценят личную

свободу, другие – равенство и социальную справедливость, третьи – величие и мощь собственного государства, четвертые – верность традициям и национальным святыням и т.д. Мудрость власти в том, чтобы дать проявиться всем им, не позволяя ни одной из них возобладать над остальными. Только такая власть может считаться демократической» [3, С. 31].

В то же время ученые признают, что даже в демократическом обществе плюрализм идеологий должен иметь определенные границы идеологических споров, проходящие в пределах общей для всех конституционной основы. Тем самым государство оберегает себя от угрозы подрыва стабильности общества, хаоса и национальных бед, гражданских войн.

Здесь также возникает вопрос об источнике формирования российской идеологии. Многие исследователи убеждены, что базовые ценности общества не могут быть искусственно выработаны профессиональными идеологами или механически заимствованы из иноцивилизационного опыта, они – следствие исторического и социокультурного развития данного государства и его народа [2,4,7,8].

В то же время, отмечая неразвитость в России гражданского самосознания, признают, что новая объединяющая идея не сможет сформироваться в недрах народного сознания даже в виде общенационального эмоционально насыщенного притягательного образа, не говоря уже о какой-то вербализованной идеологеме. Надеяться на активность интеллигенции также не приходится, так как сама новая духовная и интеллектуальная элита еще не идентифицировала себя как некую общность, не осознала своих интересов и задач. Решающую роль может сыграть государство, ценностно-нормативная функция которого в России всегда была велика [9]. Но далеко не все поддерживают государственную идеологию.

Противники государственной идеологии утверждают, что в обществе, основанном на принципах политического и идейного плюрализма, никакой идеологии, претендующей на роль государственной, быть не должно [3, С. 42]. Тем более что об этом сказано в статье 13-й Конституции Российской Федерации.

Однако мы не говорим о навязывании обществу «идеологии сверху», о монополии государства в идеологической сфере и нетерпимости в отношении иных идеологий и их носителей. Закрепленный в Конституции Российской Федерации идеологический плюрализм, многопартийная система, свобода убеждений не запрещают государству выступать в качестве равноправного политического субъекта, ведущего конкурентную борьбу с другими субъектами политической жизни за общественное признание и одобрение.

Более того, именно государство ответственно за формирование общественных представлений о направлениях и перспективах развития, о его цивилизационном геополитическом и экономическом статусе. Любое государство через свои институты формирует, культивирует общественное сознание, можно сказать, «лепит» общество, соответствующее идеалам и целям государства. Только заботясь об образовании и просвещении общества, формировании гражданского самосознания, государство воспитает в нем сильного союзника и партнера, готового к отважным поступкам и смелым задачам. Выражаясь словами К. Юнга, великие новшества никогда не являются сверху, они всегда развиваются снизу вверх, подобно деревьям, которые не растут вниз кронами. Но истинно и то, что семена падают сверху [8, С. 109].

В защиту государственной идеологии выступает и тот очевидный факт, что население России традиционно и до сих пор подвержено патернализму, ждет от государства, от харизматического лидера не только материальной помощи, заботы, но и наставлений, лозунгов, заветного слова, указывающего путь вперед [5, С. 295].

На практике демонстративный отказ Российского государства от какой-либо деятельности в сфере идеологии привел к существенному снижению его субъектности в политической системе общества. Многие кризисные явления, переживаемые Россией, предопределены именно этим, поскольку уменьшение роли государства, объема выполняемых им функций ведет к тому, что автоматически возрастают возможности иных субъектов политических и

финансовых элит, групп давления и т.п. Образовавшийся вакуум немедленно занимает узкокорпоративная субъектность со свойственными ей групповыми интересами [4, С. 13].

Конечно, и исходящие от государства идеологемы могут служить, в большей степени, чем всему населению в целом, каким-либо группам элит, находящимся у власти. Но государство, в силу своей социальной природы, не может полностью абстрагироваться от реальных интересов и потребностей большинства граждан, поскольку следствием этого может стать разрушение сложившегося баланса социальных сил, их соотношения, что чревато катаклизмами и гибелью для него [4, С. 13].

И еще один вопрос, к которому хотелось бы обратиться – о содержании, основном стержне идеологии. Предлагаемые сегодня концепции идеологии в принципе мало отличаются от тех, что занимали умы русских философов конца XIX – начала XX веков: либерально-демократической, евразийской, социалистической, самодержавно-православной.

Официальный выбор либерально-демократического пути развития России вызвал особенно мощную волну ностальгических размышлений о самобытности России, ее особого пути, уникального менталитета народа, идеалах национальной морали.

В принятии либеральных ценностей увидели опасность разрушения традиционных духовных и культурных основ российского народа. Либерализм влечет постепенное размывание критериев добра и зла, порока и добродетели, нравственности и безнравственности… нравственно то, что разрешено законом, а законом разрешено то, что не мешает другим.

В такой логике научно-технический прогресс, нейтральный сам по себе, лишь разрушает грань добра, ибо обеспечивает во все возрастающей мере как раз возможность «не мешать другим», поступая по сути неправильно [10, С. 149]. Стала широко обсуждаться проблема русской нации, как основного носителя российской цивилизации. Если русский народ не восстановит себя как нацию с духовным стержнем и волей к историческому бытию, то и государство Россия окончательно утратит высший смысл своего существования и разрушится на глазах, став субъектом передела [10, С. 143].

Мы не ставим в рамках данной статьи задачи анализировать все современные идейные тенденции и предлагаемые концепции пути России. Немало крупных исследований по этому вопросу проведено в последние годы. Более актуальной нам представляется постановка вопроса, предложенная А.В. Рубцовым: обсуждать не идеологически желаемое, а реально возможное, то есть то, что может быть осуществлено сегодня на практике; реально оценить, не предполагается ли заведомо тем или иным проектом попытка реализации лишь еще одной утопии [2].

Отправной точкой рассуждений должен быть тот очевидный факт, что Россия сегодня выбрала либеральный путь развития, и вопрос стоит о расширении или сокращении либерализующих изменений в обществе [2, С. 18].

Православная монархия и социализм – уже пройденный этап, концепция евразийства остается больше предметом философской мысли. Реально мы приняли правила игры либерально-демократического западного общества, и в этом русле проходит новый этап нашего исторического пути.

И сегодня многие выступают за замещение идеологических поисков провозглашением приоритета правовых, конституционных основ государственности, неких символов, лозунгов, идеалов, отражающих российскую специфику, общечеловеческими ценностями. Так, В.Н. Кудрявцев считает необходимым, чтобы развивалась и укреплялась демократическая, гуманистическая идеология, основы которой отражены в Конституции (правовое и социальное государство, защита прав человека и т.д.) [11, С. 9]. С.В. Калашников выступает за признанные всем мировым сообществом общечеловеческие ценности, морально-нравственные устои, гуманизм, человеколюбие, милосердие, любовь к родным и близким, семье [12]. А.Г. Здравомыслов отмечал, что система ценностей – это мир значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем его

собственное эмпирическое существование... именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл [12, С. 184].

Как справедливо отмечает О. Крыштановская, «Одна из причин, почему нет солидарности в нашем обществе – это отсутствие национальной идеологии. Наша идеология была разрушена. После краха социализма новой идеологии не возникло. Пытались импортировать западную идеологию. И ее восприняла часть населения. Но она не укоренена в народе. Потому что для укоренения любой идеологии нужны государственная политика и долгие годы. Идеология позволяет народу ориентироваться в социальном пространстве. А сейчас, выходит, наши люди дезориентированы, растеряны» [14, С. 8].

Стратегический прорыв России в XXI веке невозможен без созидания новой мобилизующей идеологии для современной России. Данную точку зрения, казавшуюся еще несколько лет назад крамольной и «нелиберальной», разделяют многие представители отечественной научной общественности, в частности В.Н. Кузнецов, который оперирует понятием «идеология 21». Он определяет ее как необходимый компонент общенациональной стратегии – стратегии национального прорыва [15].

Чтобы понять какая нам нужна идеология мы должны четко представлять, что нам противостоит в идеологическом плане. Анализ современной идейно-политической ситуации проведенный отечественными и зарубежными исследователями показывает, что основное противостояние происходит в рамках глобализации. Российская идеология должна быть ответом на идеологический вызов, который нам предъявляет современная цивилизация своими глобализационными процессами.

Новая идеология призвана выполнять прежде всего охранительную функцию, способствовать интеллектуальной консолидации всех слоев российского общества. Новая консолидирующая по своей сути идеология должна выражать совокупность духовных ценностей, отражающих социокультурное состояние общества.

Современная идеология должна быть «многомерна» (Ж. Тощенко), т.е. концентрировать в себе интересы разных слоев общества. Это станет возможно, если учесть весь спектр национальных и конфессиональных (религиозных) интересов наших народов.

Такая идеология должна регламентироваться интересами народов нашей федерации, руководствоваться здравым смыслом, историческим опытом и реальностями дня. В этом случае мы подходим к вопросу самоидентификации российского человека, основой которой может быть его историческая культура.

Пока мы в полной мере не поймем, что наша держава, великая Россия потому и великодержавная что она мультиэтническая, мультикультурная, поликонфессиональная, полиязычная; пока мы не осознаем, что не может в XXI веке существовать национальное государство с однородной структурой, что без сохранения языка и культуры любой народности нет общего государства (что кстати мы пытались уже осознать формируя новую историческую общность – советский народ) – мы обречены на идеологическую фрустрацию и идейную трансформацию.

И так в основе новой идеологии безопасности как мировоззрения консолидирующего общество может находиться только национальная культура. Российская культура по своему внутреннему состоянию в полной мере может служить консолидирующим началом для формирования новой идеологии.

Культура России вобрала в себя многовековые достижения народов, адекватно их выражает в лучших образах устного и письменного творчества, в зодчестве и живописи, в литературе и фольклоре, в быту и образе жизни, во всех формах поведения и межнациональных отношений.

Именно культура является тем естественным условием, которое объединяет людей разных убеждений и взглядов, пробуждает интерес к совместному проживанию, нивелирует грани не понимания друг друга, делает цивилизованными разные формы сосуществования, предотвращает конфликты и даже войны. Происходит это потому, что достижения культу-

ры, уровни культурного развития – результат созидания многих поколений людей, итог воплощения их интересов в социальные реалии. В полной мере можно говорить об интегрированной роли культуры, о формирующихся в ней началах консолидирующей идентификации российского общества.

В значительной степени это может относиться к патриотическим началам российской культуры. Духовное богатство личности, как носителя новой идеологии, предполагает осознанное восприятие окружающей действительности. А это не возможно без соблюдения норм исторической памяти.

Сущностью идеологии как формы общественного сознания является не познание и распространение истины, а *воздействие* на сознание и поведение людей в определенных интересах и целях. Эта сущность реализуется тремя способами:

1) осмысления процессов общественной жизни с позиции интересов, потребностей и целей определенных общественных групп;

2) приобщения людей к вере в необходимость и справедливость осуществления определенных идеалов и ценностей;

3) присоединения, мобилизации людей к участию в реализации этих идеалов и ценностей.

Данный процесс, в свою очередь, регулируется двумя путями: во-первых, с помощью влияния «естественных» условий жизни и, во-вторых, с помощью воздействия политических институтов, внедряющих в общественное сознание по официальным и неофициальным каналам определенные идеи, нормы поведения и ценности.

Следует различать категории государственной идеологии и идеологии государства. Первая представляет собой установленную правящим политическим режимом строго нормированную мировоззренческую программу развития государства. Вторая же является естественно рождающимся и вырастающим в процессе национальной политико-социокультурной эволюции сплавом сознания, психологии и культуры народа. Именно идеология государства в силу своего интегративного характера возвышается над множеством частных и групповых, как правило, узкоутилитарных интересов и ценностей. Она представляет собой коммуникативное пространство для всех «частных идеологий», предполагая наличие различных процедур и правил достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между действующими в политике субъектами, превращая конкурирующие социально-политические силы в составляющие единой системы.

Можно также говорить о формировании в российском государстве *двух уровней идеологии.*

Первый уровень идеологии – это всеобщая для всех россиян идея всестороннего процветания России, защиты ее от внешних и внутренних врагов. Такую идеологию можно назвать *гражданской идеологией.*

Второй уровень идеологии – это мировоззрение, в том числе вероисповедание, индивидуально-личного порядка. На этом уровне развивается сосуществование и содружество многих вероисповеданий и мировоззрений, прежде всего, православия, ислама и буддизма, а также позитивных элементов социализма и демократического либерализма.

Объединительная идеология призвана вдохновить общество, по крайней мере, ее духовную элиту осознать ответственность за судьбу Отечества, не расстрачивать силы на бесплодную полемику по принципу «кто больше прав», а направить усилия на достижение согласия по основным параметрам социально-экономического и социально-политического развития. Российская духовность всегда была озабочена моральными ценностями, выводящими за пределы частной жизни, однако, пора уяснить, что постижение духовности подразумевает здоровую экономику, материальный достаток людей, социальную и личную безопасность. Иначе при нищете большинства населения и попрании социальных прав и политических свобод мы под видом возрождения духовности столкнемся с очередной версией утопического переустройства общества. Таковыми были религиозная охранительная док-

трина «Москва – Третий Рим» [16] и десакрализованный коммунистической глобальный проект.

Все это осложняется еще и тем, что с конца 1990-х - начала 2000-х годов на создание национальной идеи и российской идеологии стала претендовать Русская православная церковь. Она по-своему подытожила поиск и провал предпринятой в середине 1990-ых гг. попытки создания новой государственной идеологии: «От проблем, которые были поставлены еще в начале века, нам никуда не уйти, – писал один из идеологов РПЦ Балашов. ... Многих прихожан мы уже потеряли, они перестали ходить в храм, а некоторые ушли с горьким чувством обиды… Одни из них оказались номинальными православными, которые не понимают, зачем вообще ходить в церковь, если не надо кого-нибудь крестить или отпеть, другие стали членами иных церквей и адептами всевозможных сект и культов… И ясно, что сколько бы мы не боролись за защиту своей канонической территории от всякого рода поползновений, сколько бы мы ни старались возвести препятствия на пути прозелитизма, для успеха в евангельском уловлении душ нам потребуются не столько внешние меры, сколько все же духовные усилия» [17].

Увеличение количества пришедших в Россию извне нетрадиционных религий фактически привело к сближению «государства и религиозных объединений в деле сохранения национального достояния России и нейтрализации угроз безопасности российского общества в духовной сфере». В этих попытках опереться на православие начало создаваться впечатление, что «Россия не многоконфессиональная, а православная страна, в которой все остальные конфессии могут существовать только на правах меньшинств» [18].

Как бы забыли советский период господства тотального атеизма, который возник не на пустом месте, а являлся следствием безверия, которым отличались массы русских людей еще до революции. Церковные иерархи тех времен отмечали: «люди русско-православного мировоззрения и старинного домостроевского уклада жизни – самая малочисленная группа верующих, большинство же составляют формалисты, исполняющие религиозные обязанности потому только, что так исстари заведено» [18]. Несмотря на все это наблюдается идеализация русского народа как православного, а тезис о том, что «национальную идею выражает православный храм» получает поддержку и даже реализацию в российской глубинке и сельской местности, население которых особенно пострадало от политических и экономических реформ переходного периода.

Аналогичная ситуация сложилась во всем ближнем зарубежье, но по отношению к исламу. Результаты социологического исследования «Ислам в жизни населения Узбекистана» показали, что 90% опрошенных «в различных жизненных ситуациях обращается к Богу» [19, С. 80]. Такого рода явления свидетельствуют, что служители культа в каждой стране получили реальную возможность стать частью властных и экономических структур. Например, в России священнослужители как духовники претендуют на власть в армейских и политических кругах, сельские батюшки становятся во главе крестьянских кооперативов и восстанавливают разрушенное хозяйство [20]. Словом, действуют в русле рекомендаций времен обер-прокурора Святейшего синода Российской империи К.П. Победоносцева, суть которых заключалась в том, что народ и духовенство, особенно сельское, должны составлять «сплоченный противовес верхним слоям общества, интеллигенции, уклонившейся от веры» [21, С. 180].

Реальностью стал факт, что в идеологии российского государства все более используемым компонентом стал становиться конфессиональный фактор. Во многих действиях государства как бы отходило на задний план положение Конституции РФ о том, что Россия является светским государством, в котором церковь отделена от государства Принятие закона о свободе вероисповедания позволило многим экспертам, в том числе и за рубежом «говорить о том, что православная церковь получила право стать привилегированной церковью в России» [22].

Такого рода акции могут вызывать разные оценки, но они восходят к одному из фундаментальных принципов понимания демократии, согласно которым идеология не может быть построена на официальной религии. Данный подход формулировался в эпоху Просвещения в рамках концепции об исторической несовместимости демократии и теократии. И, во всяком случае, то, что предлагает РПЦ вступает в прямое противоречие с этой концепцией.

Какие же предложения по формированию общенациональной идеологиии мы имеем от религиозных деятелей, от представителей власти, тяготеющих к распространению религиозного мировоззрения?

Во-первых, настоятельное предложение внести в государственую идеологию, в светское мировоззрение само понятие Бога, с отменой всех и всяческих ограничений для традиционных религий (что явно противоречит Конституции РФ, провозглашающей свободу совести).

Во-вторых, в качестве выхода из вакуума, образовавшегося после крушения коммунистической идеологии, предлагается «возрождение православной традиции», с ее «морально-этическими ценностями», ибо только она представляет собой единственно верный ориентир, который спасет Россию.

К числу абсолютизирующих православие официальных лиц относится митрополит Смоленского и Калининградский Кирилл, предлагающий концепцию «православной цивилизации», которая обеспечивает симфонию государственной власти и православной церкви. Но не представляет ли все это попытку реанимировать давно потерпевшую крах концепцию византийского православного мира, который так и не выжил в условиях провозглашенной симфонии Царства и Бога [23].

При этом не обращается внимание на то, что «огосударствление одной церквииерархии в многоконфессиональной стране реально грозит превращением всех верующих, ориентированных на другие иерархии, всех инаковерующих и всех неверующих в политическую оппозицию государству. Объединить всю многоконфессиональную нацию может не религия, разделяющая людей на приверженцев разных культов и мировоззрений, а единая культурная и политическая традиция, не вторгающаяся в личную свободу внутри рамок общеобязательного закона», – считает В. Полосин [24].

Нечто подобное с претензией на властвование прозвучали и от представителей других религий. Все это говорит о том, что политическая реализация только православной идеи для России приведет к тому, что «в грядущем мы, скорее всего, столкнемся с ростом исламофобских настроений в России. Причин этому несколько. Во-первых, общество еще не созрело для осознания своей многоконфессиональности. Во-вторых, склонная к национализму «общественная среда» поддерживает разработку «русской идеи» с ее обязательным признанием особого статуса православия. Наконец, в-третьих, на массовое сознание славянского большинства серьезным образом влияют «рассуждения татарских, чеченских и иных мусульманских радикалов, спекулирующих на идее превосходства ислама над прочими религиями» [25].

Г. Джемаль видит в этом проявление клерикализма, которым, как он считает, поражены и христианство, и ислам… Жреческая каста узурпировала послание Иисуса, в исламе де-факто появились муллы, которых не должно быть» [26].

В-третьих, религиозная идея в России начала объединяться с национальной. В результате и в научных сообщениях и в выступлениях политиков, повторенных и размноженных СМИ, стал внедряться в общественное сознание тезис, что у каждого народа есть своя ориентация на те или иные вероучения и это надо признать. А поскольку 82% населения России – это славяне, то естественно российское православие должно иметь преимущество, что естественно должно найти отражение и в официальной государственной идеологии. В-четвертых, получили распространение предложения, которые национальную идею пытались облечь в форму поиска этнической идентичности в тесной связи с религиозным ком-

понентом, т.е. поставить в центр рассуждений личность в ее этноконфессиональном обличье.

Противовес этим предложениям некоторые исследователи видят в рационализации национального и религиозного самосознания путем формирования «надэтнической и наднациональной идентичности», что предполагает переход к другому уровню рассмотрения расово-этнических и культурных различий.

Все сказанное позволяет утверждать, что мы в настоящее время в России достаточно сильны попытки ряда клерикально мыслящих политиков навязать религиозную идеологию в качестве ведущей, основной. При всей кажущейся приемлемости идеи, особенно когда апеллируют к нравственности и духовности, такой путь ведет только к росту социальной напряженности, формированию религиозной нетерпимости и опасности ее проникновения в массовое сознание.

Мифы, верования, предания могут способствовать возрождению национального самосознания, но их опасность состоит в том, что труднейшие проблемы консервируются, а не решаются. И не в последнюю очередь только потому, что за народом признаются высокие нравственные и религиозные принципы, но ему же отказывают в рациональности, планировании и прогнозировании своего будущего.

Российское общество переживает период беспрецедентного в его истории социально-ценностного раскола, грозящего исчезновением элементарных форм социальной солидарности, но задача объединяющей идеологии и состоит в том, чтобы поддерживать и развивать традиции взаимоответственности, которые еще сохранились в обществе.

Институционализация духовной безопасности в политическом пространстве современного российского общества возможна как восстановление института государственной идеологии, содержание которой должно соответствовать требованиям времени и отражать геополитический статус России, ее специфику как полиэтничной и поликонфессиональной страны, духовно-культурную самобытность при учете значимости общечеловеческих ценностей и реализации индивидуальности как фактора успешного общественного развития. Характер и содержание государственной идеологии должны исключать сведение ее к конфессиональной модели («православная идеология»), которая бы неизбежно превратилась в стимул дезинтеграции общества по конфесиональному признаку; к этнокультурной модели («идеология, основанная на этнических отличиях»), которая стимулировала бы межэтнические противостояния; доминирование государственной идеологии не должно превращаться в идеологический монизм и монополию, оно должно базироваться не на давлении административного ресурса, а на свободном предпочтении населения ее в качестве национальной идеологии, для чего последняя должна обладать реальной привлекательностью своих ценностей и социального проекта.

Литература

1. *Кузнецов В.Н.* Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М., 2005.

2. *Рубцов А.В.* Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. №6.

3. Формирование новой Российской идеологии // Свободная мысль-XXI. 2000. №3.

4. *Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А.* Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3.

5. *Шилов В.Н.* Национальная идея России: методологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3.

6. Формирование новой Российской идеологии // Свободная мысль-XXI. 2000. №3.

7. *Бутенко А.П., Кочеткова Л.Н.* Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. 1998. №4.
8. *Рубанов В.А.* О национальной идее и будущем России // Международная жизнь. 1999. №3.
9. *Рачков П.А.* О смерти и бессмертии идеологии // Вестник Московского Университета. Серия 7. 1999. №2.
10. *Нарочницкая Н.А.* Современная Россия: православие и либерализм // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 4. М., 1996.
11. *Кудрявцев В.Н.* Нужна ли России государственная идеология. Обозреватель. 1998. №1.
12. *Калашников С.В.* Предпосылки развития гражданского общества в России // Материалы научно-практической конференции 15-16 февраля 2001 года. М., 2001.
13. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М., 1994.
14. *Крыштановская О.* Вертикальная страна (беседа с Виталием Ярошевским) // Новая газета. 2004. №74.
15. *Кузнецов В.* Идеология. Социологический аспект. Учебник. М., 2005.
16. *Синицына Н.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
17. *Балашов, прот. Николай.* На пути к литургическому возрождению. М, 2001.
18. *Кошкин Д.* Церковь становится государственной или государство – церковным? // Версия, 2003. №12.
19. Ислам в жизни населения Узбекистана. Ташкент, 2003.
20. Сюжет ТВЦ «Крестьянская застава» 2005. 7 августа.
21. *Красиков А.* Становление новой российской идентичности в контексте геостратегии (религиозный аспект) // Проблемы идентичности. Человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003.
22. Политическая теология // Известия. 2003. 28 января.
23. Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М., 2005.
24. *Полосин В.* Богородица не велит // НГ. 1997. 30 января.
25. Независимая газета. 1998.
26. *Джемаль Г.* Освобождение ислама. М., 2004.

УДК 35.08

Касьянов В.С., к. ист. н.

Исторические аспекты противодействия коррупции в России

Автор выдвигает идею целесообразности изучения опыта борьбы с коррупцией, извлечения уроков и применения новых механизмов в современной практике деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: исторический опыт, почести, посулы, кормление, лихоимство, взятка, коррупция, взяточничество, чиновник, служащий, реформа, закон.

Экономические и социальные реформы, проводимые в конце XX в. в России, оказали неоднозначное воздействие на развитие общества. Обострились многие проблемы, преодоление которых требуют научно обоснованных теоретических изысканий, разработки